

КОММЕНТАРИЙ К ПРОБЛЕМЕ ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГОРОДА МАГАДАНА

Широков А. И.

Статья А. С. Навасардова является очередным (к сожалению, очередным) сюжетом навязываемой на протяжении нескольких последних лет историческому сообществу «дискуссии» о возрасте города Магадана. Начало этому было положено в тот момент, когда на основании телефонного (!!!!!) «социологического опроса» с практически неверифицируемыми результатами Магаданская городская дума приняла решение вести отсчет возраста города Магадана не с 1939 г., как это считалось многие десятилетия, а с 1929 г. – с основания на берегу бухты Нагаева Охотско-Эвенской культбазы. Обоснованием такого решения муниципального представительного органа инициаторами было объявлено стремление к «восстановлению справедливости» относительно истории Магадана. Такой способ решения простым голосованием в целом значимого вопроса региональной истории не может не вызывать недоумения в профессиональной среде, как это произошло бы и в случае подобного метода «исправления», например, закона Ома или формулы бензольного кольца.

Оставим, однако, за пределами настоящего комментария перипетию принятия волонтаристического решения городских властей.

Опираясь на исследовательский конструкт российского историка Я. Е. Водарского, Александр Сергеевич Навасардов совершенно справедливо отмечает, что «датой основания (возникновения) города могут считаться две даты: дата основания или возникновения его как населенного пункта и дата его учреждения как города, т. е. получения им от правительства юридического статуса города в форме законодательного акта». Накопленная в отечественной историографии практика это прекрасно подтверждает, указывая на то, что возраст города можно отсчитывать от первого упоминания в письменных источниках населенного пункта с постоянным населением (самый известный пример – Москва, упомянутая в летописи в 1147 г., Тобольск 1587 г., Томск 1604 г. и т. д.) или от даты создания «города» нормативным актом государства (Екатеринослав (Днепропетровск) 1776 г., Севастополь 1783 г., Хаджибей (Одесса) 1794 г. и т. д.).

И действительно, если обратиться к данным, которыми располагает историческое знание, то 1929 г. никак не может быть установлен в качестве даты начала истории Магадана. Эта дата мо-

жет быть установлена корректно только в двух случаях.

Первый. В 2000 г. нами для исследования социально-экономического развития Крайнего Северо-Востока России в монографии «Дальстрой: предыстория и первое десятилетие» были широко использованы материалы так называемой Приполярной переписи 1926/27 гг. Основываясь на ее данных, впервые в историографии мы обратили внимание на факт *первого письменного упоминания* топонима «Могодан» как места *постоянного проживания* четырех человек. (Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926–1927 гг.). Благовещенск, 1929. С. 86) Соответственно, если принимать во внимание факт наличия *первого письменного упоминания* интересующего нас топонима, то период 1926/27 гг. может быть признан временем начала отсчета городской истории.

Второй. *Акт государственной власти СССР*, присвоивший Магадану статус города 14 июля 1939 г.

Других вариантов, которые находились бы в границах российской историографической традиции, явно не просматривается. Поэтому, с нашей точки зрения, критика А. С. Навасардовым положений статьи магаданского этнографа Л. Н. Хаховской, похожей, скорее, на реферат публикаций А. Г. Козлова, о начале счисления истории Магадана с 1929 г. может быть признана оправданной (Хаховская Л. Н. К проблеме основания города Магадана // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2023. № 1. С. 97–195).

Л. Н. Хаховская в качестве аналогичного примера приводит начало отчета истории города Хибиногорска (нынешнего Кировска в Мурманской области). Магаданский этнограф пишет: «В 1921–1923 гг. в Хибинах в результате геологических изысканий были открыты богатые залежи апатито-нефелиновых руд, для разработки которых был создан трест “Апатит”. В качестве опорной базы треста летом 1929 г. был заложен рабочий поселок Хибиногорск. 30 октября 1931 г. он получил статус города окружного подчинения (в составе Мурманского округа)» (Хаховская, 2023. С. 103). Однако, публикуя приведенные данные, подтверждающие, с ее точки зрения, возможность аналогичной датировки времени основания г. Магадана 1929 годом – «от первого колышка», уважаемая Л. Н. Хаховская, сама того не подозревая, попала в смысловую ловушку. На-

селенный пункт Хибиногорск, по приведенным ею сведениям, был «заложен» в качестве «*рабочего поселка*». Сам по себе поселок не «закладывается», значит – было некое *решение органа власти*, конституировавшее это. И второе здесь: понятие «*рабочий поселок*» подразумевает *наличие постоянного населения*, которое в рамках такого населенного пункта *не только постоянно живет*, но и *постоянно работает на некоем производстве*. Наличие производства в этом случае принципиально важно. Ведь не обозначен же Хибиногорск в качестве «села» или «деревни», что подразумевало бы сельскохозяйственный характер занятости его постоянного населения. И дальнейший ход событий с присвоением Хибиногорску в 1931 г. статуса города лишь подтверждает обоснованность тезисов, высказанных нами в поддержку позиции А. С. Навасардова выше. История города (а ранее – рабочего поселка) Хибиногорска началась не от «первого колышка», как считает Л. Н. Хаховская, а от акта государственной власти, что абсолютно парадоксально не замечает магаданский этнограф.

Пассаж с историей Хибиногорска Л. Н. Хаховской мы в данном случае относительно подробно разобрали для того, чтобы подтвердить доказательные, с нашей точки зрения, выводы А. С. Навасардова о том, что невозможно отнести факт основания и деятельности Охотско-Эвенской культбазы в 1929–1932 гг. к исчислению истории города Магадана. Главный научный сотрудник МОКМ справедливо отмечает: «Культбаза являлась социально-культурным учреждением. Целью ее была работа с временным контингентом из среды аборигенного населения национального округа. Обслуживающий персонал был малочислен, и работа с туземным населением предусматривала обслуживание их не только на культбазе, но и на выезде в национальных поселениях и стойбищах». Действительно, *по своему формальному статусу* это было *учреждение*, а не населенный пункт. И далее по Навасардову: «Населенный пункт становился городом после того, как его экономическое состояние получало юридическое оформление. Важным критерием города является определенный минимум численности населения. В РСФСР городом мог стать населенный пункт, где население составляло не менее 12 тыс. чел. Причем органами управления должны были быть городские и районные Советы депутатов трудящихся, а органами государственного управления – исполкомы городских и районных Советов. Населенному пункту требовалось быть промышленным, культурным и административным центром». С этим утверждением, действительно, трудно не согласиться. *Формальная сто-*

рона присвоения статуса города – фактическое оформление результатов экономического и социального развития населенного пункта, даваемое государственной властью. Конечно же, в 1929–1932 гг. Охотско-Эвенская культбаза и несколько позднее – поселки Нагаево и Магадан не могли соответствовать таким формальным требованиям. В 1939 году такие условия сложились, и последовало формальное решение государственной власти, на что прямо указывает автор рецензируемой статьи.

Согласимся и с другим утверждением А. С. Навасардова, который, дискутируя с тезисом Л. Н. Хаховской о возможности применения к решению дебатированной проблемы фундаментального понятия евразийского учения «месторазвитие», считает, что «географическая особенность бухты Нагаева была отнюдь не решающей в развитии населенного пункта на ее берегах. В конце 1920-х гг. в верховьях р. Колыма были открыты промышленные месторождения золота. На наш взгляд, именно открытие месторождений полезных ископаемых и явилось ключевым в вопросе преобразования населенного пункта в бухте Нагаева в город».

Заметим, что в первых решениях высших органов государственной власти руководству Колымского треста предписывалось создать «в приисковом районе промышленный культурный город» (Постановление ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1931 г. // РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 11, л. 61). Именно максимальное приближение к районам золотодобычи должно было определить место расположения будущего колымского города. Помимо решения задач приближения административного центра непосредственно к районам горных работ, поиски места для нового города побуждались тяжелыми климатическими условиями собственно Нагаево-Магаданского района: частыми туманами и холодными, сырыми бризами. Такие поиски начались уже в 1932 г., и к 1936 г. были определены основные варианты: район впадения в Колыму р. Таскан с расположенным напротив устья Таскана островом и широкая ровная площадка в долине р. Уптар, где возник небольшой поселок, расположенный на 47-м километре трассы (Лукин И. И. К истории создания города Магадана // История и культура народов Севера Дальнего Востока. М., 1967. С. 143).

Л. Н. Хаховская, цитируя С. О. Сутормина, пишет: «Месторазвитие подразумевает неразрывное сопряжение географического положения и культурно-исторической среды. Это именно тот случай, когда география определяла историческую судьбу места и населяющих его людей, начиная с древности» (Хаховская, 2023. С. 98).

Очевидно, что, исходя из понимания «месторазвития» (по Л. Н. Хаховской), административному центру «золотой Колымы» было «суждено» быть основанным именно в бухте Нагаева. Однако приведенные выше данные позволяют говорить о том, что Нагаево не рассматривалось руководством Дальстроя в качестве места расположения такого центра. Более того, здесь свою роль сыграла историческая случайность, никак не могущая быть объясненной с использованием категории «месторазвитие». Начавшееся было строительство на Таскане не было закончено, как и в долине р. Уптар. Дело в том, что к 1936 г. объем капитальных вложений только по Магадану составлял более 600 млн руб. Поэтому, несмотря на лучшие климатические и грунтовые условия района 47-го километра, руководство Дальстроя в начале 1937 г. отказалось от мысли передислоцировать Магадан (Широков А. И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг. Опыт и уроки истории. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 134). Приведенные нами данные, таким образом, полностью подтверждают правоту позиции А. С. Навасардова, изложенной им в публикуемой статье: начало истории колымского города определила не география, а конкретика реалий социально-экономического развития Колымы в 1930-х гг. Использование же методологических инструментов евразийства («месторазвитие») для определения начальной даты истории города Магадана, в общем, небольшого населенного пункта, выглядит в этой связи довольно натянутым.

И, наконец, последнее замечание и по поводу статьи А. С. Навасардова, и по поводу его полемики с Л. Н. Хаховской. Людмила Николаевна упоминает о некоей «политической борьбе в верхах», которая привела к инициированию органами власти Хабаровского края в 1939 г. предложения о создании Колымского округа с преобразованием Магадана в город. При этом магаданский этнограф считает, что это решение вызвало противодействие со стороны руководства Дальстроя. Она пишет: «Организация округа с соответствующими властными структурами означала выведение важных управленческих функций из сферы компетенции Дальстроя. В свою очередь, руководство Дальстроя обратилось к еще более высоким инстанциям власти и добилось отмены создания округа» (Хаховская, 2023. С. 103).

В действительности же, если обратиться к документам, то становится очевидным следующее. Колымский округ был создан Указом Президиума Верховного Совета РСФСР на основании ходатайства Хабаровского крайкома партии и крайисполкома 14 июля 1939 г. Этим же Указом Ма-

гадану был присвоен статус города (Советская Колыма. 1939. 18 июля). Решение о создании округа было продиктовано тем, что к этому времени на территории Северо-Востока СССР были созданы основы производственной и социальной инфраструктуры и дальнейшее применение чрезвычайных (фактически неконституционных) методов развития региона становилось излишним, поскольку именно этим актом подразумевалось создание окружного совета и окружного партийного комитета – конституционных и уставных органов советской и партийной власти.

Более того, 26 июля оргбюро Хабаровского крайкома ВКП(б) по Колымскому округу обсуждало вопросы передачи партийных организаций из Политуправления Дальстроя в ведение окружного парткома и обратилось в крайком с просьбой ходатайствовать перед ЦК ВКП(б) и НКВД СССР о создании на Колыме окружного управления НКВД и окружного управления связи (Широков, 2009. С. 121). Очевидно, что никакой «борьбы» в этой ситуации не наблюдается.

А что же непосредственно руководство Дальстроя? 5 августа 1939 г. начальник Дальстроя К. А. Павлов выступил с докладом на заседании оргбюро Хабаровского крайкома ВКП(б) по Колымскому округу. Основные тезисы его выступления легли в текст принятого решения:

1. Поставить перед краевыми и высшими органами власти вопрос об изъятии из Дальстроя несвойственных ему функций, передав их в ведение соответствующих союзных и республиканских наркоматов. Речь идет о жилищном, коммунальном, культурном строительстве и эксплуатации, народном образовании, здравоохранении, связи, пушных заготовках, лесоохране и лесоустройстве, рыбном хозяйстве, торговле и снабжении, строительстве транзитных дорог государственного значения, морском транспорте с судоремонтным заводом № 2, автотранспорте с автобазами и авторемонтным заводом, угольных разработках и т. д.

2. Управление СДС сделать горнопромышленным главком по добыче золота, олова и других металлов.

3. Исходя из производственной необходимости осуществить передачу морского и автомобильного транспорта с обслуживавшими их предприятиями во вторую очередь, а остальные отрасли передать в ведение соответствующих наркоматов и управлений в данное время (Широков, 2009. С. 121–122).

Приведенные нами сведения делают несостоятельными аргументы Л. Н. Хаховской о некоей «политической борьбе» за «усиление влияния» хабаровских краевых властей на положение

ние дел на Колыме. Думается, что сама попытка конкуренции краевых властей с союзными или даже замысел о такой конкуренции в реалиях того времени были бы пресечены с помощью известных пунктов статьи 58 УК РСФСР 1926 г. И второе. Как свидетельствуют документальные материалы Политуправления ГУСДС за 1939 г. (Л. Н. Хаховская почему-то называет Дальстрой в это время «трестом», хотя с 4 марта 1938 г. он трестом быть перестал), руководство Дальстроя активно участвовало в организации Колымского округа, надеясь избавиться от избыточных компетенций советского и административного управления.

В приведенных сведениях видно слабое владение Л. Н. Хаховской конкретным историческим нарративом. С другой стороны, статья А. С. Навасардова содержит обилие архивного документального материала, первоисточников,

ставших основой его справедливых выводов и оценок.

В заключение мне бы хотелось обратиться к профессиональному историческому сообществу региона с предложением о прекращении «дискуссии» о начале исчисления истории города Магадана. Сторонниками «версии 1929 г.» за несколько последних лет не приведено ни одного весомого и методологически выверенного аргумента в пользу своей позиции, не обосновано ни одного тезиса о «неверности» 1939 г. как времени начала отсчета возраста города Магадана. Убежден в том, что перед магаданскими профессионалами-историками стоят более серьезные методологические и конкретно-исторические задачи. И распылять силы на споры об очевидном – крайне сомнительная затея.

Профессор, доктор исторических наук
А. И. Широков

COMMENT ON THE PROBLEM OF THE CITY OF MAGADAN BIRTHDAY

A. I. Shirokov